

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

28 июня 2012 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи С.Д.Князева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина А.А.Хорошенко,

у с т а н о в и л :

1. Гражданин А.А.Хорошенко, осужденный приговором Пермского областного суда от 13 октября 1995 года к смертной казни, замененной впоследствии в порядке помилования на пожизненное лишение свободы, 15 июня 2003 года обратился в Комитет по правам человека с сообщением о нарушении Российской Федерацией его прав, закрепленных пунктами 1 и 3 статьи 2, пунктами 1 и 2 статьи 6, статьей 7, пунктами 1–4 статьи 9, пунктом

1 статьи 10, пунктами 1, 2 и подпунктами «а» – «е», «g» пункта 3 статьи 14, пунктом 1 статьи 15 и статьей 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, по результатам рассмотрения которого 29 марта 2011 года Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, принял Соображения, констатирующие нарушение Российской Федерацией прав А.А.Хорошенко, закрепленных статьей 6 Международного пакта о гражданских и политических правах в совокупности с его статьями 7, пунктами 1–4 статьи 9, пунктом 1 и подпунктами «а», «b», «d», «g» статьи 14. По мнению Комитета по правам человека, эти нарушения выразились в том, что:

на основное судебное разбирательство не были допущены представители общественности, в частности родственники заявителя и других обвиняемых, при отсутствии к этому достаточных причин, таких как соображения морали, общественный порядок, государственная безопасность, интересы частной жизни сторон, или если, по мнению суда, это необходимо при особых обстоятельствах, когда публичность нарушала бы интересы правосудия;

прокуратурой и судом не было проведено незамедлительное беспристрастное расследование по жалобам заявителя на жестокое обращение (побои и пытки со стороны сотрудников милиции, в результате которых он был вынужден сделать заявления, подтверждающие версию событий следствия);

при аресте заявителя до него не были доведены основания ареста и какие бы то ни было обвинения; ему не были разъяснены права, включая право не давать показаний против себя самого и право на бесплатную юридическую помощь; заявитель не представал перед должностным лицом суда в целях определения законности его ареста; заявитель был арестован и содержался под стражей без достаточных доказательств принадлежности его к банде или иной организованной преступной группировке, исходя из чего лишение его свободы не соответствовало законам государства-участника;

о некоторых обвинениях заявителю не сообщали в течение 25 суток после ареста, а об остальных обвинениях сообщили по окончании досудебного разбирательства; заявителю не было предоставлено достаточно времени и условий для подготовки защиты в связи с тем, что у него не всегда была возможность свободно и конфиденциально встречаться со своим адвокатом в ходе досудебного разбирательства; ему не были предоставлены копии протокола судебного заседания непосредственно после вынесения приговора судом первой инстанции; несмотря на неоднократные просьбы заявителю не были предоставлены некоторые документы, которые он считал важными для своей защиты; объем бумаги, выделенной ему для подготовки кассационной жалобы в суд второй инстанции, был ограничен.

Исходя из этого Комитет по правам человека, руководствуясь подпунктом «а» пункта 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, пришел к выводу, что Российская Федерация обязана обеспечить А.А.Хорошенко эффективное средство правовой защиты, включая проведение полного и тщательного расследования по обвинениям в пытках и жестоком обращении и возбуждение уголовного преследования против тех, кто несет ответственность за такое обращение с ним, повторное судебное разбирательство при соблюдении всех гарантий в соответствии с Пактом, предоставление надлежащего возмещения, включая компенсацию, и принятие мер для недопущения подобных нарушений в будущем. Комитет по правам человека также просил Российскую Федерацию опубликовать названные Соображения и установил срок (180 дней), в течение которого хотел бы получить от нее информацию о мерах, принятых в целях их исполнения.

Полагая, что Соображения, как содержащие указание на проведение повторного судебного разбирательства при соблюдении всех гарантий в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах, являются основанием для отмены или изменения вынесенного в отношении него приговора, А.А.Хорошенко обратился с соответствующими заявлениями в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, а затем в

Верховный Суд Российской Федерации с просьбой о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств.

В письме от 26 сентября 2011 года исполняющий обязанности начальника отдела управления по обеспечению участия прокуроров в надзорной стадии уголовного судопроизводства Генеральной прокуратуры Российской Федерации, отказывая А.А.Хорошенко в удовлетворении его просьбы, указал, что официальное обращение Комитета по правам человека в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с предложением устранить нарушения по делу заявителя не поступало, а отмена или изменение состоявшихся судебных решений относится к компетенции суда.

Судья Верховного Суда Российской Федерации письмом от 3 ноября 2011 года возвратил А.А.Хорошенко его заявление без рассмотрения, сославшись на то, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не предусматривает возможности пересмотра в порядке надзора постановлений Президиума Верховного Суда Российской Федерации, а такой акт, как Соображения Комитета по правам человека, не является основанием для пересмотра судебных решений в порядке, установленном главой 49 УПК Российской Федерации (ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств).

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации А.А.Хорошенко оспаривает конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: пункта 5 статьи 403, устанавливающей порядок рассмотрения надзорных жалоб и представлений, части четвертой статьи 413, предусматривающей перечень оснований для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, и частей первой и пятой статьи 415, регулирующей порядок возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

По мнению заявителя, оспариваемые законоположения противоречат статьям 15 (часть 4), 18, 21, 45, 46 и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, поскольку необоснованно ограничивают его право на судебную защиту, не допуская возможности пересмотра постановления Президиума

Верховного Суда Российской Федерации в порядке надзора для исправления судебной ошибки и не признавая Соображения Комитета по правам человека в качестве основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

2. Из содержания статей 15 (часть 4), 17 (часть 1) и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, являющимся наряду с международными договорами Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации, во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1), 46 (части 2 и 3), 50 (часть 3) и 118 (части 1 и 2), устанавливающими, что правосудие осуществляется только судом, в том числе посредством уголовного судопроизводства, на основе равенства всех перед законом и судом, и предоставляющими право на обжалование и пересмотр неправосудных судебных решений, а также право на обращение в соответствии с международными договорами Российской Федерации в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, следует, что конституционное право на судебную защиту как основное, неотчуждаемое право человека, выступающее гарантией реализации всех других прав и свобод, – это не только право на обращение в суд, но и право на эффективное восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости.

Названные положения Конституции Российской Федерации согласуются с положениями Всеобщей декларации прав человека (статьи 8, 10 и 11), Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6), в силу которых каждый человек при определении его прав и обязанностей и при установлении обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с

соблюдением всех требований справедливости компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Раскрывая содержание права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что судебная защита прав и свобод предполагает в том числе обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные, а потому отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным правилом эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, умаляет и ограничивает данное право. При этом институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов во всяком случае должны отвечать требованиям процессуальной экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать затягивание или необоснованное возобновление судебного разбирательства и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения и вместе с тем правовую определенность, включая признание законной силы судебных решений, их неопровержимости (*res judicata*), без чего недостижим баланс публично-правовых и частноправовых интересов (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и др.).

Европейский Суд по правам человека в своей практике также исходит из того, что отступление от принципа правовой определенности может быть оправдано только обстоятельствами существенного и непреодолимого характера. Как указывается в ряде его решений, Конвенция о защите прав человека и основных свобод в принципе допускает пересмотр судебного решения, вступившего в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам для исправления ошибок уголовного судопроизводства, в том числе для исправления существенного (фундаментального) нарушения или ненадлежащего отправления правосудия; процедура отмены окончательного судебного решения предполагает, что имеются доказательства, которые ранее не были объективно доступными и которые

могут привести к иному результату судебного разбирательства; лицо, требующее отмены судебного решения, должно доказать, что у него не было возможности представить доказательство до окончания судебного разбирательства и что такое доказательство имеет решающее значение в деле (постановления от 18 ноября 2004 года по делу «Праведная против России», от 12 июля 2007 года по делу «Ведерникова против России» и от 23 июля 2009 года по делу «Сутяжник против России»).

3. Федеральный законодатель, реализуя возложенные на него статьями 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации полномочия, предусмотрел в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в целях создания механизма эффективного восстановления нарушенных прав при отправлении правосудия по уголовным делам процедуры пересмотра неправосудных решений – в апелляционной и кассационной инстанциях, которые рассматривают дела по апелляционной (кассационной) жалобе или представлению на приговоры и иные судебные решения, не вступившие в законную силу (глава 44, статьи 361–372; глава 45, статьи 373–389), и в качестве дополнительной гарантии законности и обоснованности судебных решений – производство по пересмотру вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, а именно производство в надзорной инстанции (глава 48, статьи 402–412) и возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (глава 49, статьи 413–419).

Вопрос о конституционности положений уголовно-процессуального закона, регламентирующих пересмотр вступивших в законную силу судебных решений, осуществляемый в порядке надзора и в процедуре возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, уже ставился перед Конституционным Судом Российской Федерации, который по итогам его рассмотрения пришел к следующим выводам.

Данный способ обеспечения правосудности судебных решений по уголовным делам, используемый в случаях, когда неприменимы или

исчерпаны все другие средства процессуально-правовой защиты, призван гарантировать справедливость судебных актов как необходимое условие судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, а также поддержания баланса таких ценностей, как справедливость и стабильность судебных актов.

Возобновление производства по уголовному делу – в отличие от пересмотра судебных решений в порядке надзора – осуществляется в связи с выявлением таких обстоятельств, которые либо возникли уже после рассмотрения уголовного дела судом, либо существовали на момент рассмотрения уголовного дела, но не были известны суду и не могли быть им учтены. С учетом этого возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств направлено не на восполнение недостатков предшествующей обвинительной и судебной деятельности, а на обеспечение возможности исследования новых для суда обстоятельств, в том числе таких фактических обстоятельств, которые уголовный закон признает имеющими значение для определения оснований и пределов уголовно-правовой охраны, но которые в силу объективных причин ранее не могли входить в предмет исследования по уголовному делу.

Вместе с тем возможно использование механизма пересмотра вступившего в законную силу приговора в процедуре возобновления производства по уголовному делу и в случае, когда после исчерпания возможностей судебного надзора будет выявлена неправосудность приговора, явившаяся результатом либо игнорирования собранных доказательств, нашедших отражение в материалах дела, либо их ошибочной оценки, либо неправильного применения закона.

Конституция Российской Федерации, формулируя право на судебную защиту, не исключает, а, напротив, предполагает возможность исправления судебных ошибок и после рассмотрения дела в той судебной инстанции, решение которой отраслевым законодательством может признаваться окончательным в том смысле, что согласно обычной процедуре оно не может быть изменено. Именно такой вывод вытекает из статьи 46 (часть 3)

Конституции Российской Федерации, признающей за каждым право обращаться в соответствии с международными договорами Российской Федерации в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Международные акты, в частности Международный пакт о гражданских и политических правах (пункт 6 статьи 14), предусматривающий возможность пересмотра окончательных решений судов, если какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, закрепляют более широкие возможности для исправления судебных ошибок, чем уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. Приведенная международно-правовая норма, в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации являющаяся составной частью правовой системы России, имеет приоритет перед внутренним законодательством по вопросам защиты прав и свобод, нарушенных в результате судебных ошибок.

Ограничение круга оснований к возобновлению уголовного дела в целях пересмотра незаконного или необоснованного судебного решения, не подлежащего исправлению ни в каком другом порядке, делает невозможными обеспечение правосудности судебных актов и восстановление судом прав и законных интересов граждан и иных лиц, что приводит к нарушению положений Конституции Российской Федерации (статьи 2, 17, 18, 45 и 46), а также Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 6 статьи 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6; статья 3 и пункт 2 статьи 4 Протокола № 7), из которых вытекает необходимость пересмотра судебного решения, если обнаруживается какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство, которое не может не повлиять на существование этого решения (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и от 16 мая 2007 года № 6-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля

2002 года № 28-О, от 10 июля 2003 года № 290-О, от 4 декабря 2007 года № 962-О-О и др.).

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации сохраняют свою силу и согласно статье 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» являются обязательными для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти на всей территории Российской Федерации.

4. Комитет по правам человека образован в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах для наблюдения и контроля за выполнением обязательств, принятых на себя государствами – участниками данного международного договора (статьи 28, 40 и 41). Согласно Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах государство – участник Пакта, которое становится участником указанного Протокола, признает компетенцию Комитета по правам человека принимать и рассматривать письменные сообщения от подлежащих его юрисдикции лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения данным государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте, при условии исчерпания всех имеющихся внутренних средств правовой защиты (статьи 1 и 2 Протокола).

При принятии сообщений от отдельных лиц Комитет по правам человека доводит их до сведения участвующего в Протоколе государства, которое, как утверждается, нарушает какое-либо из положений Пакта; получившее соответствующее уведомление государство представляет в течение шести месяцев Комитету письменные объяснения или заявления, разъясняющие этот вопрос, и любые меры, если таковые имели место, которые могли быть приняты этим государством (статья 4 Протокола); по результатам рассмотрения сообщений в закрытом заседании Комитет сообщает свои соображения соответствующему государству-участнику и лицу (статья 5 Протокола).

Сложившаяся в деятельности Комитета по правам человека по рассмотрению индивидуальных сообщений практика свидетельствует, что в случае установления нарушений он в своих соображениях предлагает соответствующему государству обеспечить лицу, признанному жертвой нарушения какого-либо из прав, изложенных в Международном пакте о гражданских и политических правах, те или иные эффективные средства правовой защиты (выплатить надлежащую компенсацию, провести повторное судебное разбирательство, немедленно освободить лицо, признанное жертвой, из-под стражи и др.). При этом сам Комитет в Замечаниях общего порядка № 33 «Обязательства государств-участников по Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах» (CCPR/C/GC/33, 25 июня 2009 года) отмечал, что, хотя при рассмотрении индивидуальных сообщений он не выступает в роли судебного органа как такового, таким соображениям присущи некоторые основные черты судебного решения: они принимаются в духе, присущем судебному разбирательству, включая независимость и беспристрастность членов Комитета, имеют окончательный характер и представляют собой авторитетное определение, в котором предлагается средство защиты от установленного нарушения; государства-участники в любом случае обязаны использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для осуществления принимаемых Комитетом соображений (пункты 11–13 и 20).

Согласно правилу 101 Правил процедуры Комитета по правам человека (CCPR/C/3/Rev.8, 27 сентября 2005 года) после сообщения Комитетом своих соображений заинтересованному государству-участнику и лицу Комитет назначает специального докладчика, осуществляющего процедуру последующей деятельности с целью установить, какие меры приняты государством-участником по их реализации; специальный докладчик может вступать в такие контакты и принимать такие меры, которые необходимы для надлежащего выполнения мандата на последующую деятельность, а также выносит рекомендации о принятии Комитетом дальнейших необходимых мер и регулярно представляет доклады о результатах последующей

деятельности Комитету, который, в свою очередь, представляет Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций через Экономический и Социальный Совет ежегодный доклад о своей работе, куда включает и краткий отчет о своей деятельности в соответствии с Факультативным протоколом (статья 45 Пакта и статья 6 Протокола).

Несмотря на то, что ни Международный пакт о гражданских и политических правах, ни Факультативный протокол к нему не содержат положений, непосредственно определяющих значение для государств-участников сообщений Комитета по правам человека, принятых по индивидуальным сообщениям, это не освобождает Российскую Федерацию, которая признала компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих ее юрисдикции лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения со стороны Российской Федерации какого-либо из прав, изложенных в Пакте, и тем самым определять наличие или отсутствие нарушений Пакта, от добросовестного и ответственного выполнения сообщений Комитета в рамках добровольно принятых на себя международно-правовых обязательств.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 27 марта 2012 года № 8-П, Российская Федерация, обладая государственным суверенитетом (преамбула; статья 3, часть 1; статья 4, часть 1, Конституции Российской Федерации), является самостоятельным и равноправным участником межгосударственного общения и одновременно, объявляя себя демократическим правовым государством (статья 1, часть 1, Конституции Российской Федерации), должна следовать добровольно принятым на себя в рамках международных соглашений обязательствам, что подтверждается положениями Венской конвенции о праве международных договоров, в силу которых каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры, обязательность которых для него невозможна без выражения соответствующего согласия (статьи 6 и 11), каждый договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно исполняться (статья 26), при этом участник не может ссылаться на положения своего

внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора (статья 27).

В силу общепризнанного принципа международного права «*pacata sunt servanda*» и по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, возлагающего на каждое участвующее в Пакте государство обязанность обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве, Российская Федерация не вправе уклоняться от адекватного реагирования на соображения Комитета по правам человека, в том числе в случаях, когда он полагает, что вследствие нарушения положений Международного пакта о гражданских и политических правах должно быть обеспечено повторное судебное разбирательство по уголовному делу лица, чье сообщение послужило основанием для принятия Комитетом соответствующего Соображения.

Иное не только ставило бы под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к нему обязательств и тем самым свидетельствовало бы о неисполнении закрепленной статьями 2 и 17 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязанности государства признавать и гарантировать права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и обесмысливало бы вытекающее из статьи 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации право каждого обращаться в соответствии с данными международными договорами Российской Федерации в Комитет по правам человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

5. В соответствии со статьей 413 УПК Российской Федерации вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены и производство по уголовному делу возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (часть первая); новыми

обстоятельствами являются признание Конституционным Судом Российской Федерации закона, применяемого судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции Российской Федерации; установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод либо иные нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также иные новые обстоятельства (часть четвертая).

Право возбуждения производства ввиду новых обстоятельств, не связанных с решениями Конституционного Суда Российской Федерации или Европейского Суда по правам человека, принадлежит прокурору; поводами для возбуждения производства ввиду новых обстоятельств могут быть сообщения граждан, должностных лиц, а также данные, полученные в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения других уголовных дел (части первая и вторая статьи 415 УПК Российской Федерации); при этом пересмотр обвинительного приговора ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в пользу осужденного никакими сроками не ограничен (часть первая статьи 414 УПК Российской Федерации).

Из содержания приведенных положений уголовно-процессуального закона во взаимосвязи со статьями 15 (часть 4), 17 (часть 1), 45 и 46 Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации в сохраняющих свою силу решениях, вытекает, что принятие Комитетом по правам человека соображений, содержащих адресованное Российской Федерации предложение о проведении повторного судебного разбирательства, является достаточным поводом для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств, если выявленные Комитетом нарушения положений Международного пакта о гражданских и политических правах не могут быть исправлены в другом порядке, а их устранение необходимо для обеспечения правосудности вступившего в законную силу приговора (определения, постановления) суда и восстановления прав и законных интересов граждан и иных лиц. По сути,

это нашло подтверждение и в пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», согласно которому при осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта.

При этом не исключается право федерального законодателя иным образом урегулировать механизм правового, в том числе уголовно-процессуального, реагирования на соображения Комитета по правам человека, принятые по индивидуальным сообщениям находящихся под юрисдикцией Российской Федерации лиц и констатирующие нарушение Российской Федерацией какого-либо из прав, закрепленных в Международном пакте о гражданских и политических правах.

Что касается оспаривания конституционности пункта 5 статьи 403 УПК Российской Федерации, то А.А.Хорошенко уже обращался по данному вопросу в Конституционный Суд Российской Федерации, который Определением от 29 сентября 2011 года № 1226-О-О отказал в принятии его жалобы к рассмотрению, поскольку она не отвечала требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой. Вновь поднимая вопрос о проверке соответствия пункта 5 статьи 403 УПК Российской Федерации Конституции Российской Федерации, А.А.Хорошенко каких-либо новых аргументов в обоснование своего утверждения о его неконституционности не приводит, а потому данная жалоба в этой части, как фактически направленная на пересмотр ранее вынесенного Конституционным Судом Российской Федерации решения, в

силу статей 79, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» не является допустимой.

6. Таким образом, оспариваемые заявителем законоположения в системе действующего правового регулирования не исключают возможности возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств на основании соображений Комитета по правам человека, принятых по результатам изучения индивидуальных сообщений и содержащих адресованное Российской Федерации предложение о проведении повторного судебного разбирательства, и в силу этого не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя.

Проверка же законности и обоснованности правоприменения, имевшего место в деле заявителя, связана с установлением и исследованием фактических обстоятельств его уголовного преследования и к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации по рассмотрению жалоб граждан, как они определены в статье 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 1248-О

**Мнение
судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н.С.Бондаря**

Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении от 28 июня 2012 года № 1248-О, принятом по жалобе гражданина А.А.Хорошенко, сделал в конечном счете вывод о нарушении конституционных прав заявителя частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 УПК Российской Федерации. Одновременно в данном решении, имеющем статус определения с так называемым позитивным содержанием, сформулирована правовая позиция, согласно которой принятие Комитетом по правам человека соображений, содержащих адресованное Российской Федерации предложение о проведении повторного судебного разбирательства, является достаточным поводом для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств, если выявленные Комитетом нарушения положений Международного пакта о гражданских и политических правах не могут быть исправлены в другом порядке, а их устранение необходимо для обеспечения правосудности вступившего в законную силу приговора (определения, постановления) суда и восстановления прав и законных интересов граждан и иных лиц (абзац третий пункта 5 мотивировочной части).

Хотя данная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации облечена в форму определения, которое не содержит указаний на необходимость обязательного пересмотра конкретного дела заявителя на основании соображений Комитета по правам человека в соответствии с

конституционно-правовым смыслом оспариваемых законоположений, вынесенное Конституционным Судом Российской Федерации решение вполне может привести к тому, что на практике оно будет интерпретировано именно таким образом, т.е. послужит *основанием для придания соображениям Комитета по правам человека значения юридического факта*, влекущего за собой наступление вполне определенных уголовно-процессуальных последствий.

Но согласуется ли такой подход с природой и предназначением Комитета по правам человека и юридическим характером принимаемых им актов? Не выходит ли такая реакция правоохранительных и судебных органов Российской Федерации на акты Комитета за рамки тех обязательств, которые были приняты на себя Российской Федерацией при присоединении к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах?

В попытке найти ответы на эти, как и некоторые другие, вопросы представляется обоснованным высказать в соответствии со статьей 76 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» свое мнение, что процессуально подкреплено голосованием против принятия указанного Определения по жалобе А.А.Хорошенко на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

1. Как следует из материалов дела, обращению заявителя в Конституционный Суд Российской Федерации, а до этого – в Комитет по правам человека (далее по тексту – Комитет) предшествовало длительное разбирательство его дела в различных судебных инстанциях в рамках национальной судебной системы, в ходе которого были неоднократно задействованы как основные (ординарные), так и вспомогательные (субсидиарные) судебные-правовые средства для защиты прав заявителя и устранения возможно допущенных по отношению к нему судебных ошибок. Так, после осуждения приговором Пермского областного суда от 13 октября 1995 года его дело в рамках проверочных процедур трижды становилось

предметом рассмотрения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (решения от 18 января 1996 года, от 5 июня 1996 года и от 15 января 1997 года) и столько же раз оно рассматривалось Президиумом Верховного Суда Российской Федерации (решения от 20 марта 1996 года, от 18 апреля 2001 года и от 23 марта 2005 года). Это свидетельствует о том, что заявителю были предоставлены достаточно широкие возможности для юрисдикционной защиты прав в рамках предусмотренных национальным законодательством судебных процедур и заявитель воспользовался ими в полном объеме. При этом назначенная приговором Пермского областного суда от 13 октября 1995 года смертная казнь впоследствии была заменена в порядке помилования пожизненным лишением свободы, однако в основной своей части приговор остался неизменным, т.е. был признан законным и обоснованным.

Вместе с тем в связи с индивидуальным обращением заявителя в Комитет данный орган в своих Соображениях (приняты на сто первой сессии, 14 марта – 1 апреля 2011 года, сообщение № 1304/2004) констатировал нарушение Российской Федерацией его прав, закрепленных в Международном пакте о гражданских и политических правах, в ходе уголовного преследования и судебного разбирательства. Комитет пришел к выводу, что «государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты, включая: проведение полного и тщательного расследования по обвинениям в пытках и жестоком обращении и возбуждение уголовного дела против тех, кто несет ответственность за такое обращение с автором; повторное судебное разбирательство при соблюдении всех гарантий в соответствии с Пактом и предоставление автору надлежащего возмещения, включая компенсацию» (пункт 11 Соображений).

Решая вопрос об уголовно-процессуальных последствиях такого рода соображений Комитета, Конституционный Суд Российской Федерации и сформулировал в своем Определении приведенную выше правовую позицию, которая вызывает сомнение с точки зрения ее обоснованности.

2. Как это вытекает из учредительных документов (Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к нему), Комитет вправе получать сообщения от отдельных лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения конкретным государством – участником Пакта какого-либо из прав, гарантируемых Пактом, и, в случае признания таких сообщений приемлемыми, рассматривать их и передавать свои соображения заинтересованному лицу и государству, под юрисдикцией которого оно находится. При этом учредительные документы не определяют однозначно и с необходимой полнотой юридическую природу Комитета, а содержащиеся в них нормативные положения, равно как и сложившаяся на их основе правоприменительная практика не позволяют утверждать, что Комитет может (тем более – должен) рассматриваться как некий судебный (юрисдикционный) орган (например, по аналогии с Европейским Судом по правам человека), решения которого могли бы влечь для Российской Федерации последствия юрисдикционного характера.

Во-первых, сам факт отсутствия прямого урегулирования в учредительных документах правового статуса Комитета в качестве международного судебного (юрисдикционного) органа свидетельствует о том, что государства-участники не выразили свою волю в отношении наделения Комитета подобными полномочиями, а расширительное толкование международно-правовых актов, влекущее за собой наступление для их участников правовых последствий, существенно отличающихся от тех, которые они приняли на себя или же могли разумно предвидеть при заключении договора, недопустимо.

Во-вторых, учредительные документы не предъявляют к членам Комитета требований, хотя бы в общих чертах сопоставимых с теми, какие действуют в отношении судей международных судебных органов, а это традиционно – необходимость соответствия требованиям, предъявляемым при назначении на высокие судебные должности (в соответствующих государствах), как-то наличие общепризнанного авторитета в области права

и т.п. (например, статья 21 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, статья 36 Римского статута Международного уголовного суда). Более того, учредительными документами допускается вхождение в Комитет представителей государств, не участвующих в Факультативном протоколе¹, и одновременно устанавливается – в связи с квалификационными требованиями – лишь то, что при формировании Комитета следует принимать во внимание «полезность участия нескольких лиц, обладающих юридическим опытом» (пункт 2 статьи 28 Пакта).

В-третьих, природа обращений в Комитет, как они определяются учредительными документами, отличается от той, которая присуща судебным обращениям, и, в отличие от заявлений или жалоб, обычно относящихся к юрисдикции судов, Комитет уполномочен рассматривать лишь сообщения от лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте (статья 1 Факультативного протокола). Очевидно, что подобные сообщения имеют в своей основе информационно-петиционный характер.

В-четвертых, процедура рассмотрения Комитетом индивидуальных сообщений качественно отличается от судопроизводственной процедуры, поскольку она не предполагает гласность и состязательность, необходимость исследования доказательств, опрос свидетелей и экспертов. Не предусмотрен порядок обжалования актов Комитета, как и порядок контроля за их исполнением.

В-пятых, в настоящее время нет никаких оснований говорить о наличии сложившейся международно-правовой практики признания судебной (или квазисудебной) роли Комитета сколь-нибудь значительным числом государств мира. Насколько можно судить, национальное законодательство ни одного из государств – участников Факультативного протокола не определяет специально (в уголовно-процессуальном, административном либо ином порядке) характер взаимоотношений между

---

¹ Примечательно, что из четырнадцати членов Комитета, участвовавших в рассмотрении индивидуального сообщения А.А.Хорошенко, четверо были избраны по представлению государств, не являющихся

Комитетом и государственными правоприменительными органами, тем более отсутствуют какие-либо основания и правовые предпосылки для отождествления Комитета с международными судебными инстанциями.

Ни в коей мере не умаляя роль Комитета в системе международно-правовых средств борьбы за права человека, следует учитывать, что смысл создания данного Комитета, как, впрочем, и иных, ему подобных органов (Комитет по расовой дискриминации, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет против пыток, Комитет по правам ребенка, Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и др.), состоит главным образом в том, чтобы обеспечивать наблюдение за реализацией соответствующих международных обязательств на внутригосударственном уровне. Для достижения этой цели Комитет уполномочен в строго установленном международным договором порядке указывать государствам в связи с поступившими индивидуальными сообщениями на те или иные имевшие место, по его мнению, отступления государства от принятых на себя обязательств в отношении конкретных лиц. Соответственно, можно с уверенностью утверждать, что в настоящее время Комитет является именно экспертным конвенционным органом, что, в свою очередь, определяет характер и правовые последствия принимаемых им актов, которые, имея важное морально-политическое значение, не могут приравниваться к судебным актам или отождествляться с ними.

3. Надеясь Комитет полномочиями принимать по итогам рассмотрения индивидуальных сообщений соображения и направлять их соответствующим государствам-участникам, учредительные документы не раскрывают природу таких соображений и их содержание; не определяют они и возможности для Комитета давать в соображениях конкретные (в рамках конкретных обстоятельств) рекомендации о национальных мерах по восстановлению прав граждан.

Между тем сам Комитет в порядке инициативного самоопределения посчитал возможным исходить из того, что соображения, принимаемые им по индивидуальному сообщению, имеют *«некоторые основные черты судебного решения»*, так как *«они принимаются в духе, присущем судебному разбирательству, включая беспристрастность и независимость членов Комитета, взвешенное толкование формулировок Пакта и окончательный характер принимаемых решений»* (Замечания общего порядка № 33 «Обязательства государств-участников по Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах», пункт 11; док. ССРР/С/ГС/33, 25 June 2009). Вызывает принципиальное возражение тот факт, что данная позиция Комитета буквально воспроизводится в указанном Определении Конституционного Суда Российской Федерации (абзац третий пункта 4 мотивировочной части), что – в отсутствие каких-либо дополнительных поясняющих утверждений – может расцениваться так, что Конституционный Суд Российской Федерации разделяет такую, выраженную Комитетом, точку зрения на его роль и правовой статус. С этим никак нельзя согласиться.

Следует учитывать, что в учредительных документах акты, принимаемые Комитетом, весьма осторожно именуются *соображениями*, и уже это само по себе не позволяет проводить аналогию между ними и судебными решениями, которые по форме и содержанию имеют итогово-постановляющий, повелительно-властный, обязывающий характер. При этом учредительные акты не наделяют Комитет правом дачи официального (авторитетного) толкования как самого Пакта, так и Протокола к нему, а потому инициативное придание соображениям Комитета некоего обязывающего значения, не нашедшего своего вполне определенного выражения в тексте учредительных документов, возможно не иначе как в рамках конференции государств-участников, созыв которой предусмотрен Пактом (статья 51) и Факультативным протоколом (статья 11).

Обязательность же своих актов Комитет основывает в формально-юридическом плане на предписаниях, содержащихся в пункте 3 статьи 2

Пакта, согласно которым государства-участники обязуются: обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве; обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты; обеспечить применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они предоставляются. Но из этих нормативных положений вовсе не следует, что именно за Комитетом прямо или косвенно признается право и возможность определять в конкретной ситуации, какое именно средство правовой защиты является эффективным и какие механизмы должны быть использованы государством-участником для защиты (восстановления) прав лица, по индивидуальному сообщению которого Комитет принял соображения. Напротив, по буквальному смыслу изложенных положений Пакта именно государства-участники располагают всей полнотой свободы усмотрения в определении такого рода средств; это полностью согласуется с общими принципами взаимоотношений между конвенционными и национальными органами, в силу которых последние обладают несоизмеримо большими возможностями и осведомленностью в отношении мер, применение которых следует считать при данных обстоятельствах необходимыми для достижения конвенционных целей. Соответственно, Комитет вправе лишь предлагать государствам-участникам свое видение необходимости защиты (восстановления) прав граждан, но такая его позиция не имеет императивно-обязывающей силы для национальных правоохранительных и судебных органов.

Как указывает сам Комитет, в большинстве государств нет специальных законов, позволяющих учитывать соображения Комитета во внутренней правовой системе (Замечания общего порядка № 33, пункт 20). Вместе с тем на практике нередко встречаются случаи, когда государство,

которому направлено сообщение, игнорирует его, либо дает на него неполный ответ, либо не реагирует на принятое Комитетом соображение, либо не сотрудничает в полной мере со специальным докладчиком. При этом важно учитывать, что в Факультативном протоколе не участвуют 79 из 193 государств – членов ООН, включая США, Соединенное Королевство, Китай, Индию, Индонезию, Швейцарию, в связи с чем нет никаких оснований для вывода о наличии общепризнанной на международном уровне практики эффективного и полного исполнения соображений Комитета государствами – участниками Пакта, равно как и о всеобщем признании Факультативного протокола как такового.

4. Признание Российской Федерацией Факультативного протокола, как это прямо следует из его текста, влечет для нее определенные юридические обязательства, а именно: сотрудничать с Комитетом (статья 1); не препятствовать доступу к Комитету лиц, подлежащих ее юрисдикции (статьи 1 и 2); представить Комитету объяснения в связи с сообщением в течение шести месяцев после уведомления о получении Комитетом сообщения (пункт 2 статьи 4).

Соответственно, ни конвенционные акты, ни ратификационные документы не содержат положений, аналогичных, например, тем, которые предусмотрены Федеральным законом от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», согласно которому Российская Федерация признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях их предполагаемого нарушения Российской Федерацией (статья 1), а поэтому какие-либо аналогии в последствиях для Российской Федерации решений Европейского Суда по правам человека, с одной стороны, и Комитета, с другой, являются неосновательными.

Вместе с тем надо учитывать, что Конституция Российской Федерации, закрепляя право каждого в соответствии с международными договорами

Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (статья 46, часть 3), исходит из того, что это право, находящееся в нормативном единстве с правом каждого на судебную защиту (ему посвящена в целом статья 46 Конституции Российской Федерации), имеет как международно-правовое, так и конституционное признание. Конституция Российской Федерации, безусловно, предусматривает гарантии защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, в том числе с помощью обращения в различные межгосударственные органы, включая Комитет по правам человека; однако юридические последствия использования международных средств гарантирования могут и должны получать свою реализацию в рамках установленных в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами национальных юрисдикционных процедур.

5. Таким образом, ни в коей мере не отрицая необходимость принятия органами власти Российской Федерации в пределах их дискреционных полномочий тех или иных мер, направленных на защиту прав человека и гражданина в соответствии с высказанными соображениями Комитета, в то же время считаю обоснованным мнение о том, что Конституционному Суду Российской Федерации надлежало принять по жалобе А.А.Хорошенко так называемое отказное определение: *оспариваемые заявителем законоположения, не относящиеся к основаниям возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств соображения Комитета по правам человека, не содержат неопределенности с точки зрения их соответствия Конституции Российской Федерации и не нарушают конституционных прав и свобод человека и гражданина.* Проверка же законности и обоснованности правоприменения, имевшего место в деле заявителя, как справедливо указывается и в самом Определении от 28 июня 2012 года № 1248-О, связана с установлением и исследованием фактических обстоятельств его уголовного

преследования и к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации по рассмотрению жалоб граждан, как они определены в статье 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится.